

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АМБИЦИИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «VISION-2030»

Аббасова Камила Зафаровна

Студентка 3 курса Ташкентского Государственного Университета
Востоковедения, института Внешней политики и международных
экономических отношений, кафедры международных отношений

e-mail: @kamilaabbasova86

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15523713>

Аннотация: Данная статья посвящена анализу внешнеполитических амбиций Саудовской Аравии в контексте реализации стратегической программы развития «Vision 2030». В условиях глобальной трансформации и изменений в региональном балансе сил королевство предпринимает активные шаги по укреплению своего влияния на международной арене. В статье рассматриваются ключевые направления внешней политики Саудовской Аравии, такие как экономическая дипломатия, участие в международных организациях, посреднические инициативы и развитие стратегических партнерств. Особое внимание уделяется вызовам и противоречиям, сопровождающим реализацию внешнеполитического курса в рамках «Vision 2030», а также перспективам дальнейшего позиционирования страны как одного из ведущих акторов внешней политики.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, внешняя политика, Vision 2030, международные отношения, экономическая дипломатия, геополитика, стратегическое партнерство, Ближний Восток, глобальные амбиции, трансформация.

Annotation: This article analyzes the foreign policy ambitions of Saudi Arabia in the context of the implementation of the strategic development program "Vision 2030." Amid global transformations and shifts in the regional balance of power, the Kingdom is actively taking steps to strengthen its influence on the international stage. The article examines the key directions of Saudi foreign policy, such as economic diplomacy, participation in international organizations, mediation initiatives, and the development of strategic partnerships. Special attention is given to the challenges and contradictions accompanying the implementation of the foreign policy course under "Vision 2030," as well as the prospects for the country's further positioning as one of the leading actors in global politics.

Keywords: Saudi Arabia, foreign policy, Vision 2030, international relations, economic diplomacy, geopolitics, strategic partnership, Middle East, global ambitions, transformation.

Введение

В начале XXI века международная система претерпевает фундаментальные изменения, вызванные глобализацией, цифровыми технологиями, изменением баланса сил и трансформацией традиционных институтов мировой политики. На этом фоне государства Ближнего Востока, включая Саудовскую Аравию, сталкиваются с необходимостью адаптации к новым реалиям, а также с вызовами и возможностями, вытекающими из этих изменений. В этом контексте особое значение приобретает программа «Vision 2030», провозглашённая в 2016 году наследным принцем Мухаммедом бен Салманом как стратегический план преобразования королевства в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Первоначально

«Vision 2030» была нацелена на диверсификацию экономики Саудовской Аравии, традиционно ориентированной на нефтяной сектор, и на создание устойчивой, инновационной и конкурентоспособной модели развития. Однако с течением времени стало очевидно, что эта программа не ограничивается исключительно внутренними преобразованиями. Одним из ключевых направлений её реализации стала трансформация внешней политики страны, направленная на усиление её статуса на международной арене. Королевство стремится выйти за рамки привычного восприятия как «нефтяной державы» и утвердиться в качестве влиятельного геополитического и экономического актора глобального уровня. В последние годы Саудовская Аравия демонстрирует растущую активность в международных делах, что проявляется как в региональном, так и в глобальном масштабе. От участия в переговорах по урегулированию конфликтов в Йемене и Судане до расширения партнёрства с Китаем, Россией и странами ЕС - внешнеполитическая повестка королевства становится всё более многовекторной и прагматичной. При этом особое внимание уделяется продвижению экономических интересов страны за рубежом, привлечению инвестиций, развитию инфраструктурных мегапроектов (например, города будущего NEOM) и укреплению позиций в международных организациях, таких как G20 и ОПЕК+.¹

Такая трансформация внешней политики не является спонтанной. Она отражает осознанное стремление саудовского руководства использовать внешнеполитические инструменты как часть общей стратегии национального развития. В этом смысле внешняя политика становится продолжением внутренней - инструментом достижения экономических и политических целей в рамках «Vision 2030». Внешняя политика Саудовской Аравии перестаёт быть реактивной и превращается в проактивную, строящуюся на стратегическом планировании и долгосрочном видении. Однако вместе с новыми возможностями королевство сталкивается и с рядом вызовов. Речь идёт как о международной критике в области прав человека и свобод, так и о геополитической конкуренции с другими региональными державами - Ираном, Турцией, ОАЭ. Кроме того, высокая степень зависимости от цен на нефть, нестабильность ближневосточного региона и сложность многополярного мира требуют от Эр-Рияда высокой гибкости и стратегической выдержки.

Основная часть

До запуска программы «Vision 2030» внешняя политика Саудовской Аравии отличалась консерватизмом, предсказуемостью и акцентом на сохранение регионального статус-кво. С момента основания современного саудовского государства в 1932 году, а особенно после нефтяного бума 1970-х годов, внешняя политика королевства строилась на трёх ключевых столпах: стратегическом альянсе с Соединёнными Штатами Америки, доминирующей роли в энергетическом секторе и религиозном авторитете в мусульманском мире. Эти факторы обеспечивали Саудовской Аравии уникальное положение в системе международных отношений и позволяли ей выступать как региональный гарант стабильности. Американо-саудовские отношения стали основой внешней политики страны на протяжении десятилетий. После подписания соглашения между президентом Франклином

Рузвельтом и королём Абдулазизом Аль Саудом в 1945 году установился формат «нефть в обмен на безопасность», в рамках которого США гарантировали безопасность королевству, а Саудовская Аравия обеспечивала бесперебойные поставки нефти. Этот альянс особенно укрепился после исламской революции в Иране в 1979 году, когда Вашингтон искал стабильного союзника в Персидском заливе на фоне нестабильности в регионе. Саудовская Аравия, в свою очередь, позиционировала себя как бастион суннитского ислама и противовес шиитскому Ирану. На протяжении долгого времени внешняя политика королевства была сдержанной и преимущественно оборонительной. Она избегала открытого вмешательства в международные и даже региональные конфликты, за исключением случаев, когда речь шла о прямой угрозе её национальной безопасности. Ярким примером такого вмешательства стало участие в коалиции против Ирака в ходе Войны в Персидском заливе в 1991 году после вторжения Саддама Хусейна в Кувейт. Однако даже в этом случае Саудовская Аравия действовала в рамках широкой международной коалиции, а не в одиночку.²

Начиная с 2000-х годов, стали проявляться первые признаки пересмотра внешнеполитического подхода Эр-Рияда. Усиление конфессионального соперничества с Ираном, нестабильность в Ираке, распространение экстремистских движений и, особенно, события арабской весны 2011 года, серьёзно повлияли на внешнеполитическую стратегию Саудовской Аравии. Массовые протесты, падение авторитарных режимов и рост влияния «Братьев-мусульман» заставили Эр-Рияд опасаться распространения революционных настроений и на собственную территорию. В результате королевство стало активнее вмешиваться в дела соседних стран - поддерживало военные перевороты (например, в Египте), оказывало финансовую помощь лояльным режимам и даже начало военные кампании, как в Йемене с 2015 года. Одновременно с этим стала заметна активизация экономической дипломатии. Эр-Рияд начал укреплять связи с Китаем, Россией и странами Азии, стремясь диверсифицировать внешнеполитические отношения и снизить зависимость от США.³ Важным шагом стало участие Саудовской Аравии в группе G20, что позволило ей заявить о себе как о глобальном акторе, а не только региональном игроке.

Несмотря на эти изменения, до 2016 года внешняя политика Саудовской Аравии оставалась во многом реактивной - то есть отвечала на вызовы и кризисы, а не формировала собственную повестку. Лишь с провозглашением программы «Vision 2030» начался переход к проактивной модели внешнеполитического поведения. Новый курс предусматривал использование внешнеполитических инструментов как средств достижения внутренних целей: экономической трансформации, технологического развития, привлечения иностранных инвестиций и построения позитивного международного имиджа страны.⁴ Тем самым, до «Vision 2030» внешняя политика Саудовской Аравии эволюционировала от традиционного альянса с Западом и роли «энергетического центра» к более гибкой и многовекторной стратегии, однако окончательное оформление нового внешнеполитического курса стало возможным

только в условиях структурных реформ и глобальных амбиций, заявленных в рамках национальной стратегии трансформации.

Программа «Vision 2030», представленная наследным принцем Мухаммедом бен Салманом в 2016 году, стала не только масштабной попыткой социально-экономической трансформации Саудовской Аравии, но и вектором качественных изменений во внешней политике страны. В условиях снижения зависимости от нефтяных доходов, глобальной энергетической трансформации и усиления конкуренции на международной арене внешняя политика королевства получила новую направленность: от оборонительной и реактивной к проактивной, прагматичной и многовекторной. Главной задачей внешнеполитической стратегии в рамках Vision 2030 стало создание благоприятных внешних условий для реализации внутренних реформ. Эр-Рияд начал использовать дипломатические, экономические и гуманитарные инструменты для укрепления международного имиджа страны как динамичного, модернизирующегося государства. Значительно возросло внимание к вопросам привлечения инвестиций, диверсификации партнёрств и усиления экономической дипломатии. Одной из ключевых инициатив в этом направлении стало создание мегапроекта NEOM - города будущего, символизирующего технологический и инновационный потенциал нового Саудовского государства. Для привлечения внимания к этому и другим проектам, страна активизировала участие в международных форумах, выставках, а также начала масштабные кампании по улучшению имиджа на Западе.⁵

Одним из главных изменений стало стремление Саудовской Аравии выйти за рамки традиционной зависимости от США и начать выстраивать более сбалансированную внешнеполитическую архитектуру. В рамках Vision 2030 Саудовская Аравия значительно активизировала взаимодействие с Китаем, Индией, Россией и странами Азии. Укрепление связей с Пекином особенно заметно в энергетической и инвестиционной сферах, где Китай стал одним из крупнейших торговых партнёров королевства. Это отражает прагматичный подход новой внешней политики, направленной на диверсификацию партнёрств без отказа от традиционного сотрудничества с Западом. В контексте реализации Vision 2030 также наблюдается стремление Саудовской Аравии играть более активную роль в разрешении международных и региональных конфликтов. Примером может служить посредническая дипломатия Эр-Рияда в конфликтах между различными странами, включая нормализацию отношений между Ираном и другими ближневосточными государствами, в чем Саудовская Аравия всё чаще пытается выступать в роли нейтрального модератора.⁶ Поддержка мирных инициатив, а также участие в гуманитарных операциях в Йемене, Сирии и Ливане укрепляют образ страны как ответственного международного участника.

Помимо этого, в рамках Vision 2030 особое внимание уделяется улучшению имиджа Саудовской Аравии в культурной и гуманитарной сферах. Эр-Рияд активно продвигает концепцию «мягкой силы» - организует международные спортивные мероприятия (включая «Формулу-1» и бойцовские турниры), инвестирует в индустрию развлечений и туризм, способствует проведению культурных форумов и

арт-фестивалей. Всё это направлено на формирование образа открытого, современного и амбициозного государства, готового интегрироваться в глобальное сообщество.⁷

Также стоит отметить растущее стремление Саудовской Аравии играть самостоятельную роль в международных организациях. Страна усиливает свою активность в рамках ООН, Организации исламского сотрудничества, G20 и других структур, формируя собственную повестку, основанную на национальных интересах и прагматизме. Эр-Рияд всё чаще предлагает альтернативные инициативы, не всегда совпадающие с западной повесткой, что свидетельствует о повышении уверенности страны в своей способности формировать правила игры на международной арене.⁸ Следовательно, «Vision 2030» стала катализатором перехода Саудовской Аравии от оборонительной к наступательной внешнеполитической стратегии. Страна больше не ограничивается ролью регионального игрока, а целенаправленно формирует образ глобального актора, готового участвовать в решении мировых проблем, привлекать инвестиции, экспортировать культурные продукты и выстраивать новые форматы международного взаимодействия. Этот поворот знаменует собой фундаментальные сдвиги как в самоидентификации королевства, так и в структуре международных отношений, где Саудовская Аравия претендует на качественно новую роль.

Несмотря на амбициозный характер внешнеполитической стратегии Саудовской Аравии в рамках Vision 2030, её реализация сопровождается рядом серьёзных вызовов и противоречий. Эти трудности обусловлены как внутренними ограничениями, так и внешнеполитической конъюнктурой, в которой королевство стремится утвердиться как глобальный игрок. В данном разделе рассматриваются ключевые факторы, способные тормозить достижение заявленных целей и подрывать устойчивость новой внешнеполитической модели. Во-первых, главным внутренним вызовом является проблема консолидации реформ в условиях авторитарной политической системы. Мухаммед бен Салман позиционирует себя как архитектор модернизации, но масштабные изменения внутри страны - от либерализации культурной сферы до экономической диверсификации - не всегда сочетаются с сохранением политической монополии правящей династии. Это порождает противоречие: с одной стороны, государство декларирует стремление к открытости и инновациям, с другой - сохраняет репрессивные инструменты внутреннего контроля. Прецеденты, такие как убийство журналиста Джамала Хашогги в 2018 году, подрывают доверие к международному имиджу реформ и вызывают критику со стороны западных государств. Во-вторых, внешнеполитическая активность Саудовской Аравии сталкивается с рисками нестабильности в регионе. Война в Йемене, в которой королевство играет ведущую роль, превратилась в один из самых затяжных и разрушительных конфликтов современности. Несмотря на попытки Эр-Рияда представить себя как миротворца, участие в военной кампании привело к гуманитарной катастрофе и ухудшению репутации страны. Это противоречит публичному образу Саудовской Аравии как ответственного и миролюбивого глобального актора, что в перспективе может ослабить её дипломатические инициативы. Третьим значимым вызовом является неопределённость в отношениях с США и другими западными союзниками.

Историческая опора на американо-саудовское стратегическое партнёрство подвергается пересмотру на фоне роста автономности внешней политики Саудовской Аравии. Эр-Рияд демонстрирует готовность к многосторонности, расширяя сотрудничество с Китаем, Россией и странами БРИКС. Однако такая переориентация сопровождается рисками: США могут сократить уровень поддержки или пересмотреть ключевые соглашения в сферах безопасности и обороны. Кроме того, тесные связи с Пекином и Москвой вызывают озабоченность у западных союзников и усложняют дипломатический баланс, который Саудовская Аравия стремится сохранить.⁹

Следующий вызов - ограниченность человеческого капитала и институционального потенциала. Для ведения многоуровневой и многовекторной дипломатии требуются подготовленные кадры, профессиональные эксперты, аналитические центры и устойчивая институциональная среда. В условиях, когда значительная часть дипломатического аппарата ориентирована на традиционные форматы сотрудничества, возникает необходимость в глубокой модернизации внешнеполитической инфраструктуры. Без этого устойчивость и гибкость нового курса будет оставаться под вопросом. К тому же, экономическая составляющая Vision 2030, предполагающая масштабное привлечение иностранных инвестиций и транснационального капитала, может столкнуться с недоверием со стороны потенциальных партнёров, если внутренняя и внешняя политика Саудовской Аравии будет восприниматься как непредсказуемая или политически нестабильная. Геополитическая напряжённость, отсутствие прозрачности в управлении и сохраняющаяся зависимость от углеводородной экономики остаются препятствиями на пути к устойчивой трансформации международного имиджа страны.¹⁰

Наконец, ещё одним противоречием является попытка Саудовской Аравии продвигать одновременно модернизационный и религиозный нарратив. С одной стороны, королевство стремится предстать как высокотехнологичное, открытое и толерантное государство. С другой - оно остаётся центром мусульманского мира и продвигает определённую конфессиональную модель, которая может вызывать критику в условиях глобального плюрализма. Это противоречие особенно заметно в странах с различными религиозными и культурными традициями, что усложняет формирование универсально привлекательного международного имиджа. Из этого следует, несмотря на заметные достижения и стремление к активному участию в глобальной политике, реализация внешнеполитических амбиций Саудовской Аравии в рамках Vision 2030 сопряжена с множеством вызовов. Преодоление этих барьеров требует гибкости, прагматизма и готовности к институциональному реформированию. Только в этом случае королевство сможет претендовать на устойчивую роль в системе международных отношений нового века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешнеполитическая трансформация Саудовской Аравии в контексте реализации программы Vision 2030 демонстрирует амбиции королевства выйти за пределы привычной роли регионального игрока и занять более весомое положение в международной системе. Эти амбиции базируются на масштабной внутренней модернизации, диверсификации экономики и активной дипломатии. Однако

достижение статуса полноценного глобального актора требует не только ресурсов и стратегического планирования, но и способности гибко адаптироваться к быстро меняющимся международным условиям.

Во-первых, Саудовская Аравия стремится институционализировать своё присутствие на глобальной арене через участие в различных международных платформах. Вхождение в число ведущих стран G20, активизация диалога с БРИКС и укрепление позиций в исламских организациях демонстрируют стремление королевства не только следовать глобальной повестке, но и формировать её. В этом контексте перспективным направлением может стать продвижение собственной дипломатической инициативы по региональной стабильности и глобальной энергетической безопасности. Эр-Рияд уже активно позиционирует себя как надёжного энергетического партнёра, способного балансировать интересы различных полюсов силы. Во-вторых, немаловажным аспектом является развитие «мягкой силы», в том числе культурной и спортивной дипломатии. Масштабные инвестиции в индустрию развлечений, кино, музыку, спорт и туризм служат не только внутренним целям модернизации, но и инструментами формирования позитивного имиджа Саудовской Аравии за рубежом. В ближайшие годы это направление, вероятно, будет только набирать обороты, особенно в связи с подготовкой к крупным международным мероприятиям, включая возможную заявку на проведение Всемирной выставки (Expo) или Олимпийских игр. В-третьих, Саудовская Аравия демонстрирует стремление к стратегической автономии. Отказ от монополии западного влияния и выстраивание сбалансированной политики между США, Китаем, Россией, Индией и другими государствами создаёт условия для маневра в условиях новой многополярности. Это позволяет королевству проводить более независимую внешнюю политику, ориентированную прежде всего на национальные интересы. Однако, для устойчивости такого курса необходимо постоянное соблюдение баланса и избегание вовлечения в жёсткие альянсы, которые могут ограничить гибкость внешнеполитических решений.

Вместе с тем, важно учитывать, что путь к глобальному статусу сопряжён с рядом условий. Прежде всего, это необходимость повышения уровня прозрачности и доверия со стороны международного сообщества. Устранение образа закрытого и авторитарного государства требует не только реформ, но и последовательной коммуникации с внешним миром. Повышение уровня политической открытости, развитие гражданских институтов, а также демонстрация приверженности международным нормам будут играть ключевую роль в построении долгосрочного международного авторитета. Также решающее значение будет иметь способность Саудовской Аравии выступать в роли конструктивного посредника в решении региональных конфликтов. Успешное завершение войны в Йемене, стабилизация отношений с Ираном, поддержка палестинского вопроса и участие в урегулировании кризисов в Сирии, Ливане и Судане могут значительно повысить авторитет королевства как миротворца. В случае успеха эти усилия создадут образ Саудовской Аравии как ответственного международного актора, способного не только продвигать свои интересы, но и способствовать коллективной безопасности. Наконец, переход от нефтяной зависимости к экономике знаний, инноваций и устойчивого развития станет важнейшим индикатором готовности Саудовской Аравии к выполнению глобальных ролей. Успешная реализация проектов NEOM, развитие высоких технологий,

образование, зелёная энергетика и экотуризм помогут укрепить статус страны как современной и влиятельной державы XXI века.

Исходя из этого, Саудовская Аравия стоит на пороге качественного изменения своей внешнеполитической роли. Vision 2030 выступает не только как внутренняя стратегия модернизации, но и как фундамент нового внешнеполитического мышления, основанного на многовекторности, прагматизме и стремлении к глобальному лидерству. Успех этой трансформации будет зависеть от способности королевства согласовать внутренние реформы с внешними амбициями и выстроить устойчивый, гибкий и авторитетный образ на международной арене.

Список литературы:

- А, К. М. (2021). Saudi Arabia's Vision 2030 and Islamic Solidarity: A Diplomatic Strategy through OIC. *Journal of Islamic Studies and Culture*, 21-32.
- Н, I. А. (2019). The Role of Saudi Arabia in the Organization of Islamic Cooperation: Challenges and Prospects. *Middle Eastern Studies*, 897-912.
- М., А.-Р. (2018). *Salman's Kingdom: Saudi Arabia and the New Middle East*. Oxford: Oxford University Press, 336.
- Алемаху, А. (2023). Vision 2030 Саудовской Аравии и её региональные последствия. *Международный журнал государственного управления и исследований в области менеджмента*, 79-85.
- Кадир, М. И. (2020). Ветер перемен в Саудовской Аравии: Vision 2030. *Журнал современных исследований*, 9(1), 34-47.
- Карим, У. (2017). Эволюция внешней политики Саудовской Аравии и роль принятия решений. *Международный спектатор*, 52(2), 71-88.
- Морозов, А. Н. (2016). *Саудовская Аравия в системе международных отношений Ближнего Востока*. Москва: Международные отношения.
- Муджахид, Ф. (2025). Процесс модернизации в Саудовской Аравии: новая эра перемен в рамках Vision 2030. *Журнал политических исследований*, 1-7.
- Рахман, М. Ф. (2023). Реальность за риторикой: исследование Vision 2030 методом имманентной критики. *Журнал исламского мира и политики*, 3(2), 39-55.
- Т., Г. А. (2020). Организация исламского сотрудничества и её влияние на региональную безопасность на Ближнем Востоке. *Исламоведение*, 78-89.
- Флинн, М. (2024). Международная политическая экономика Саудовской Аравии: суверенный фонд и внешняя политика. *Обзор по Ближнему Востоку*, 33(1), 1-15.
- Худжамкулова, М. (2025). Современное состояние политики Саудовской Аравии по обеспечению региональной безопасности на Ближнем Востоке. *Европейский международный журнал мультидисциплинарных исследований и управления*, 5(1), 74-78.
- Ш., А. Р. (2021). Роль Саудовской Аравии в формировании исламской дипломатии. // *Вестник международных отношений*, 55-64.